

БОЛЬШАЯ «ИГРА» В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Мировой финансово-экономический кризис еще более обострил американско-китайское соперничество в Юго-Восточной Азии. В этом регионе сегодня, по мнению большинства наблюдателей, особенно отчетливо видно, что результатом этого кризиса может стать еще большее усиление экономических и геополитических возможностей Китая и все более очевидное ослабление позиций США. Такой прогноз действительно выглядит вполне вероятным, так как Пекин, в наименьшей степени пострадавший от кризиса, несмотря на скрытое сопротивление в правящих кругах многих стран АСЕАН, (китайцы делают вид, что совсем его не замечают), успешно продвигает проекты, связанные с завершением формирования зоны свободной торговли Китая и стран АСЕАН. Эта зона, по словам заместителя министра торговли Китая Гао Хучана «будет построена в 2010 году». Как сообщил замминистра на пресс-конференции, устроенной Госсоветом КНР, Китай и все страны-члены АСЕАН единодушно считают, что создание данной зоны позволит в значительной мере снизить издержки предприятий»¹. Китайский представитель не сказал главное, что посредством полноценно функционирующей зоны свободной торговли Китай–АСЕАН появляется возможность все более тесного сотрудничества и все более жесткого привязывания экономик стран ЮВА к китайскому гиганту.

Однако создание зоны свободной торговли лишь одна из многих дорог китайской экспансии. В более широком плане это лишь часть глобального китайского замысла – Юго-Восточная и Восточная Азии как интегрально кооперированные регионы с минимальным присутствием США. В это связи не удивительна полная поддержка Китаем актуализированной в последнее время идеи политико-экономического сотрудничества в более широком формате в рамках Восточноазиатского экономического сообщества. Этот проект, предложенный еще в 80-е годы тогдашним малайзийским премьер-министром Махатхиром Мохамадом, занял, чуть ли не главное место в повестке дня саммита глав Японии, Китая и Южной Кореи, который состоялся в начале октября 2009 г. в Пекине. Интерес вызывало и то, что в первоначальном проекте Махатхира Восточноазиатское экономическое сообщество мыслилось исключительно как сообщество восточноазиатских стран и государств Юго-Восточной Азии. Цель этого плана состояла в том, чтобы постепенно выдавить США из региона и самостоятельно, определять его судьбу, опираясь на якобы общее культурное наследие и общеазиатские ценности. Проект Махатхира вызвал в 80-е годы противоречивые, но в целом

одобрительные мнения в большинстве стран ЮВА, так как тогда американское влияние на политику стран Юго-Восточной Азии было преобладающим. Фактор сильного и опасного Китая в расчет не брался. Наоборот, в усилении позиций Пекина многие видели противовес американскому доминированию.

Естественно, что в 80-е годы этот проект был легко заблокирован американцами, ибо с их подачи Япония, которая должна была стать одним из главных локомотивов восточноазиатского сообщества, отказались в нем участвовать. Сегодня в начале XXI века ситуация уже совершенно другая, Америка уже не та, да и Япония сильно изменилась, так как после прихода к власти в Токио правительства Хатоямы, идеи паназианизма – то есть расширения и укрепления позиций Японии в Восточной и Юго-Восточной Азии, превращение этого региона в главный фокус японских экономических и политических усилий, вновь обрели популярность, а возможность договориться с Пекином относительно возможного раздела сфер влияния в Восточной Азии и несколько дистанцироваться от Вашингтона стала привлекать многих японских политиков. В начале октября 2009 г. глава японского МИД Кацуя Окада заявил, что «мы рассматриваем Восточноазиатское сообщество в следующих рамках – Япония, Китай, Республика Корея, страны АСЕАН, Индия, Австралия и Новая Зеландия»². Это было первое и, по всей видимости, последнее заявление японского внешнеполитического ведомства об исключении США из обсуждаемого проекта. Буквально через две недели новые заявления японского премьера показали, что он заметно видоизменил свою позицию в отношении американского участия в так широко разрекламированном проекте. По всей видимости, когда в Токио от деклараций перешли к трезвому анализу, то стало очевидно, что договора равных Японии и Китая и их совместного доминирования в этом регионе не будет. Китай, опирающийся на стремительно растущую экономику, на все большую зависимость стран АСЕАН их торговли и процветания от динамики китайского рынка, на миллионы хуацяо (этнических китайцев, проживающих в странах Юго-Восточной Азии) почти наверняка не позволит японцам действовать на паритетных началах и получать такие же преференции от своего доминирующего положения, как и Пекин. Поэтому, как только речь зашла о практическом создании Восточноазиатского сообщества японский премьер заявил во время заседания в формате АСЕАН плюс три в Хуахине, что «для США обязательно найдется роль в региональных делах в Восточной Азии». По его словам нельзя «создавать Восточноазиатское сообщество, отсекая от него ведущую экономику мира». Там же он подтвердил, что отношения с США остаются «краеугольным камнем японской внешней политики»³. Интересно, что, как и в Японии, идея отдельных преференциальных отношений АСЕАН с Китаем, не встречает особой поддержки в политически

влиятельных кругах стран АСЕАН. Если посмотреть коммюнике по итогам встреч китайского премьер-министра Вэнь Цзябао с представителями вьетнамского и сингапурского руководства, состоявшихся летом 2009 г. во время работы в Даляне экономического форума, который сами китайцы называют «Летний Давос», то мы увидим, что кроме констатаций о том, что необходимо «участить контакты на высшем уровне, углубить взаимовыгодное сотрудничество в разных сферах и усилить информационный обмен»⁴, там ничего не говорится ни о так желаемой в Пекине политической интеграции, ни о дальнейшем развитии экономической интеграции как в рамках создаваемого восточноазиатского сообщества, так и в рамках отдельной интеграции стран АСЕАН и Китая. В связи с этим не может не возникать ощущение, что чем больше возрастает зависимость асеановских экономик от Китая, тем сильнее они подозревают своего контрагента в желании доминировать в регионе, впрячь их в «китайский экспресс». Причем эти подозрения носят несколько даже иррациональный характер. Китай, например, стремится строго следовать правилам поведения, принятым им на себя в соответствии с соглашением относительно разрешения споров и эксплуатации богатств Южно-Китайского моря, которое было им подписано в 2003 г. Но этого явно недостаточно и, как отмечает сингапурская «Стрейтс таймс» «в столицах стран АСЕАН с тревогой относятся к быстрому наращиванию Китаем своей военно-морской мощи», так как при определенных обстоятельствах она может быть использована против них⁵.

В ситуации все большего недоверия к Китаю и все меньшего желания вступать с ним в двусторонние связи у правительств некоторых стран АСЕАН (филиппинцы отказываются даже участвовать в совместных с Пекином проектах по освоению спорных территорий шельфа Южно-Китайского моря, а вьетнамцы пошли на сотрудничество под давлением из Пекина⁶ у американцев, отягощенных кризисом, увязших в иракской и афганской войнах появляются шансы сохранить свое влияние, особенно если за его сохранение выступает наиболее активная часть политической элиты стран ЮВА. Желание растворить Китай сделать его лишь одним из участников интеграционного процесса настолько велико, что страны АСЕАН на последнем саммите стран АСЕАН в Хуахине (Таиланд) выступили с предложением расширить традиционный формат АСЕАН плюс три (Япония, Китай и Южная Корея) другой формулой АСЕАН плюс шесть (три предыдущих участника плюс Австралия, Новая Зеландия и Индия).

Втягивание Индии в интеграционные и переговорные процессы в ЮВА происходит не случайно, так как в условиях реального ослабления американских позиций в Юго-Восточной Азии, многие в правящих кругах стран региона обращают внимание на быстро усиливающуюся Ин-

дию, в ней ищут возможный противовес растущему китайскому доминированию.

Нельзя не отметить, что и США под влиянием своих сторонников и союзников в регионе, которые теперь рассматривают Вашингтон как главный гарант их свободы и независимости, стали существенным образом пересматривать свою политику. Наиболее ярким примером этого стало изменение американских подходов в отношении военного режима в Бирме. Американцы в свое время с нескрываемой враждебностью относились к военно-полицейскому режиму генерала Не Вина, приветствовали его свержение и начало демократизации страны. Военный переворот 1988 г. вызвал с их стороны активное неприятие, и политика США стала сводиться к тому, чтобы путем политико-экономического давления и блокады заставить бирманских военных уступить власть своим противникам из демократического лагеря, бесспорным лидером которого являлась Аун Сан Су Чжи. Такая политика последовательно проводилась на протяжении последних двадцати лет, при этом Вашингтон резко критиковал любые попытки соседних стран АСЕАН установить более тесные отношения с бирманским режимом. Даже в АСЕАН Бирма была принята под аккомпанемент критических замечаний и осуждения со стороны США.

Блокада и постоянные угрозы своей власти поставили бирманских военных и страну в сложное положение. Экономика развивалась крайне медленно, уровень жизни большинства людей оставался очень низким. Гражданские войны против армий и вооруженных формирований бирманских национальных меньшинств, требовавших автономии проходили с переменным успехом. Оказавшись в тупике военный режим Бирмы, при всем традиционном недоверии бирманцев к китайцам вынужден был обратиться к Китаю за помощью. Первоначально это были займы, которые не были отягощены никакими условиями, потом сотрудничество расширилось, Китай стал предлагать новые инфраструктурные проекты, от которых бирманский режим, обремененный накопленными долгами, отказаться никак не мог.

Другой формой давления на бирманских военных стала возможность Китая подпитывать сепаратистские движения, оказывать им финансовую и иную помощь. Ведь если взглянуть на карту Бирмы, то основные районы контроля сепаратистов явно тяготеют к китайской границе, которая на значительном протяжении находится вне зоны реального контроля бирманских властей.

Как полагают в США «Китаю Бирма нужна больше, чем Бирме Китай»⁷. Этот вывод строят на том, что выгодное геополитическое положение, когда через территорию Бирмы Китай может открыть себе коридор к Индийскому океану и Бенгальскому заливу превращает ее в центр китайских усилий в регионе и делает ее генералов, по словам экс-

пертов международной кризисной группы «попрошайками с золотыми чашками»⁸.

Официально смысл инфраструктурных проектов, предлагаемых Пекином, состоит в том, чтобы резко сократить путь доставки в Китай углеводородов из стран Персидского залива. В Пекине желают, чтобы танкеры не шли через Сингапур и узкий Малаккский пролив, а приставали бы к бирманскому побережью в Аракане, откуда по целой системе трубопроводов нефть доставлялась бы в Юньнань и далее в другие китайские провинции на юге. С этой целью китайцы заставили бирманских генералов отдать им один из араканских портов, где уже в нынешнем году начнут строить от него нефтепровод до своих южных территорий. Завершить этот проект предполагается в 2012 году. Одновременно с этим китайцы поставили под свой контроль бирманское прибрежное месторождение газа Шве с общим запасом почти 200 000 млрд. кубометров газа⁹. Поэтому рядом с транзитным нефтепроводом китайцы будут строить еще и газопровод. Строить все это, впрочем, как и дорогу к Индийскому океану, как и добывать древесину в прилегающих районах будут китайские строители. Бирманским военным китайцы обещают, что новый трубопровод принесет им около 29 млрд. долларов за 30 лет, что будет означать как минимум удвоение всей доходной части бюджета Бирмы ежегодно.

Все большая зависимость бирманских военных от Пекина, результатом которой может стать закрепление Китая в этой стране и его диктат в отношении политики местных властей обеспокоила самих инициаторов приглашения Китая в страну – бирманских военных, и всех соседей Бирмы в лице стран АСЕАН и Индии, которая увидела реальную угрозу столкнуться с китайским флотом в своих морских акваториях. Видимо давление с двух сторон, а также выраженное бирманскими военными желание к взаимодействию с США подтолкнуло новую американскую администрацию пересмотреть свою политику в отношении бирманских военных. «В то время как мы пытаемся изолировать Бирму из-за нежелания хунты уважать права человека, влияние Китая в этой стране растет по экспоненте», заявил в июле этого года председатель подкомитета по Восточной Азии и Тихому океану комитета по международным делам Сената США Джим Уэбб¹⁰. Это заявление стало сигналом того, что Вашингтон готов изменить политику в отношении бирманского режима. Уже в августе этот американский сенатор отправился в Бирму под предлогом спасения арестованного в этой стране американского гражданина. В Янгоне по свидетельству очевидцев его встречали «как главу государства». Американский сенатор успешно выполнил свою миссию и имел длительную встречу с главой хунты генералом Тан Шве. В итоге пересмотр американской стратегии в отношении Бирмы перешел в практическую плоскость и в сентябре 2009 г. помощник госсекретаря США по

делам Восточной Азии и Тихого океана Курт Кэмпбелл высказался более определенно и указал, что администрация президента Обамы «намерена начать прямой диалог с властями Бирмы»¹¹.

Естественно при этом были сделаны оговорки, что США сохраняют существующие санкции в отношении Бирмы, что они добиваются освобождения из-под домашнего ареста Аун Сан Су Чжи и всех других политических заключенных, завершения конфликта с этническими меньшинствами и вопиющих нарушений прав человека, начала вызывающего доверия внутреннего политического диалога.»¹². Все эти важные оговорки, однако, стали лишь прикрытием того, что американцы согласились на прямые контакты с бирманскими военными и первая такая встреча произошла в Нью-Йорке во время работы Генеральной Ассамблеи ООН, когда премьер-министр Бирмы генерал Тейн Зейн встретился с уже упоминавшимся сенатором Уэббом¹³.

Хунта в свою очередь сделала шаг навстречу американцам, объявив, что в 2010 году собирается провести выборы в национальное собрание. Кроме этого бирманская армия решилась на полномасштабное наступление на позиции одной из повстанческих группировок, располагавшей базами в приграничных с Китаем районах. Характерно, что эта атака велась на район, где проживали преимущественно этнические китайцы, более 40 тысяч которых вынуждено было покинуть свои дома и бежать на территорию Китая. Этот шаг бирманских властей настолько возмутил китайцев, что в конце августа в район конфликта прибыл китайский министр общественной безопасности Мэн Цзян, чтобы потребовать от зам. министра внутренних дел Бирмы генерала Пхон Шве стабилизировать ситуацию и прекратить атаки бирманских сил. Однако армию из захваченного района бирманцы так и не вывели, более того по всем свидетельствам они готовят новые удары по связанным с Пекином повстанцами¹⁴. Другим антикитайским жестом стала и опубликованная впервые за последние двадцать лет в газете «Мьянмар таймс» статья о далай-ламе. Не исключено, что даже такие скромные и по любым меркам небольшие шаги по демократизации бирманского режима могут дать американцам удобный повод официально оказаться от режима санкций и тем самым позволить бирманскому режиму почувствовать себя более свободным в отношениях с Китаем.

Вообще, позиция бирманского режима, стремящегося вырваться из объятий Пекина, вполне понятна, и она отражает общий настрой в странах АСЕАН. Мало кто хочет ехать в китайском экспрессе. Все ищут баланс сил и интересов, который позволял бы сохранять максимальную свободу и независимость. В этой связи утверждать, что американцы проигрывают или уже проиграли Юго-Восточную Азию, что им, китайцев не остановить, вряд ли стоит. Дело в том, что общее ослабление позиций США в регионе, очевидно, компенсируется все более горячим же-

ление правящих элит большинства стран, во что бы то ни стало сохранить американское влияние на региональные дела, так как всем уже понятно, что мечта о независимом регионе, изолированном от влияния внешних сил и управляемым исключительно в интересах стран его составляющих становится все большим фантомом, который скорее мешает, чем помогает странам АСЕАН реально ориентироваться в окружающем их мире. Американцы чувствуют эту заинтересованность и готовы ее использовать. Так, в июле на региональном саммите АСЕАН в Пхукете госсекретарь США Х. Клинтон заявила, что «США намерены наращивать свое присутствие в Юго-Восточной Азии. Мы возвращаемся в регион заявила Клинтон, подписывая договор о дружбе и сотрудничестве США и АСЕАН, работа над которым велась на протяжении 17 лет¹⁵. В этой связи первый двусторонний саммит США–АСЕАН, об организации которого в Сингапуре в конце 2009 г. торжественно сообщили президент США Обама и премьер министр Таиланда Вечачива на их встрече в Питтсбурге будет, несомненно, носить знаковый характер и означать повышение статуса американского присутствия в регионе.

¹ Жэньминь жибао, 8.09.2009.

² РИА Новости от 7.10.2009.

³ РИА Новости 25. 10 2009 www.rian.ru/world/20091025/190481826.html)

⁴ Жэньминь жибао 11.09.2009.

⁵ The Straits Times 7 September 2009.

⁶ The Straits Times 7 September 2009.

⁷ Эксперт №.37 28 сентября 2009 г.

⁸ Эксперт №.37 28 сентября 2009 г.

⁹ Эксперт №.37 28 сентября 2009 г.

¹⁰ Эксперт №.37 28 сентября 2009 г.

¹¹ NEWSru.com 29 сентября 2009 г. NEWSru.com 29 сентября 2009 г.

¹² NEWSru.com 29 сентября 2009 г.

¹³ www.isra.com/news/115889

¹⁴ Эксперт №.37 28 сентября 2009 г.

¹⁵ vesti. ru 27 September 2009